

Соколова Марина Валерьевна

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящается краткому анализу особенностей вербализации зоонима "маска" (медведь) в марийской лингвокультуре. Отдельное внимание уделяется этимологии, характеру лексико-семантической актуализации и контекстуальной реализации названия данного животного. На базе рассмотренного лексико-фразеологического материала марийского языка проводится группировка примеров использования зоонима в речи и текстах художественной литературы, что осуществляется на основании семантического анализа номинации явлений окружающей действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Необходимо отметить, что модельному описанию поддаются только 40% английских паремий. 60% паремий представляют собой не моделируемые микротексты.

Таковы основные когнитивно-лингвокультурологические характеристики паремий, позволяющие осуществлять конструирование гендера в данной области английской фразеологии.

Список литературы

1. **Новый большой англо-русский словарь:** в 3-х т. / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 1999.
2. **Cambridge Advanced Learner's Dictionary.** Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 1550 p.
3. **Longman Idioms Dictionary.** Harlow: Pearson Education Limited, 2002. 402 p.
4. **Macmillan English Dictionary.** Oxford: Macmillan Education, 2002. 1692 p.

LINGUO-CULTUROLOGICAL RESEARCH OF THE ENGLISH PAROEMIAS IN GENDER ASPECT

Samarina Varvara Sergeevna, Ph. D. in Philology
Shibkova Oksana Sergeevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Gubanov Lyubov' Georgievna, Ph. D. in Philology
North-Caucasus Federal University
Kornienko82@yandex.ru; oksana_shib@mail.ru; G11307@rambler.ru

The article presents the results of the linguo-culturological research of gender marked paroemias in the English language. The authors reveal the formal characteristics of paroemias, including their composition, determine high frequency and mid frequency components, consider the largest thematic categories of significant lexemes forming the corpus of the English paroemias with gender semantics. The authors pay special attention to the modelling of paroemias semantics. The revealed models allow explicating the cognitive linguo-culturological message, contained in paroemias.

Key words and phrases: paroemias; gender; gender semantics; gender asymmetry; significant words; cognitive linguo-culturological meaning; initial syntagma; cultural message.

УДК 811.511.151

Филологические науки

Статья посвящается краткому анализу особенностей вербализации зоонима «маска» (медведь) в марийской лингвокультуре. Отдельное внимание уделяется этимологии, характеру лексико-семантической актуализации и контекстуальной реализации названия данного животного. На базе рассмотренного лексико-фразеологического материала марийского языка проводится группировка примеров использования зоонима в речи и текстах художественной литературы, что осуществляется на основании семантического анализа номинации явлений окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: тотем; табу; культ; миф; лексема; фразеология; контекст.

Соколова Марина Валерьевна

Марийский государственный университет
marinuk.sokolova@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Согласно последним данным, представленным ЮНЕСКО в Атласе языков мира, среди финно-угорских языков Российской Федерации нет тех, которые находятся в состоянии неустойчивости [23]. В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что в составленном атласе горномарийский включен в группу языков, находящихся в *серьезной опасности*, а лугомарийский – подверженных *явной опасности*. Последние исследования уровня жизнеспособности языков показывают, что если не принимать никаких мер по сохранению и развитию языков, испытывающих угрозу исчезновения, то почти половина из шести с лишним тысяч языков мира могут исчезнуть к концу этого столетия. Среди условий, способствующих данному процессу, выделяют внешние (экономические, военные, религиозные, культурные, образовательные) и внутренние (отрицательное отношение к родному языку; высокий уровень урбанизации и миграции) факторы. Интерес к выбору рассматриваемого лингвистического материала связан с необходимостью зафиксировать культурно-значимые представления марийского этноса, что представляется возможным для изучения посредством сравнения исторических данных с тем материалом, который реально исследовать в естественных условиях наблюдения за живой речью носителей языка.

Цель представленной работы заключается в описании особенностей вербальной репрезентации национально-культурных представлений о медведе (*маска́*) в марийском языке. Отдельное внимание уделяется этимологии названия животного и способам языковой актуализации, культа медведя в социально-культурной деятельности марийского этноса.

Большинство народов, включая и прауральцев, которые существовали в доисторической эпохе, исповедовали анимизм, предполагающий одушевление предметов и явлений окружающей природы. Это отразилось в древних верованиях в родство человека с животными. В древний исторический период священные животные являлись посредниками, регулируемыми отношениями людей с природой, в частности, источником существования – животным миром [1, с. 16]. Медведь выступал в качестве тотемного первопредка во многих культурах народов мира [8; 11; 12; 13]. Почитание медведя у финно-угров восходит еще к *прауральской эпохе* (эпоха мезолита, IX-VI тыс. до н.э.) (*Примечания и курсив здесь и далее наши – С. М.*) [14, с. 52-56]. Медведь как главный тотем финно-угров считался родоначальником фратрий, племен. Это отразилось на том, что немало марийских родов вели свою генеалогию от этого священного животного [6, с. 45; 19, с. 272]. Многие финно-угорские народы почитали медведя как сына верховного бога, спустившегося ранее с небес [11; 14; 15]. К примеру, по внешним характеристикам медведь у финнов ассоциировался с человеком, который превратился в данного животного, поэтому считалось, что он понимал человеческую речь и мог угадывать его мысли. Примечательно, что в Беломорской Карелии вплоть до начала XIX века употребление медвежьего мяса в пищу сопоставлялось с каннибализмом [22]. В традиционной культуре мари *маска* ‘медведь’ занимает одно из важных мест. Название данного животного часто встречается в марийском языке в составе ряда сложных слов. Например, в топонимах *Масканур* (русское село и деревня в Новоторьяльском районе Марий Эл) и *Маскасола* (пос. Медведево Марий Эл), в которых *маска* выступает как антропоним тотемного характера, как мужское личное имя [4, с. 204]. Данная лексема применялась и как прозвище человека: *Мёска Коля* ‘Медвежий Николай’, *Маска эрге* ‘Сын медведя’ [15, с. 47]. Исследователи указывают и на существование в языке древней мордвы имен, идентичных с марийскими: *Маска, Маскай, Маскуш, Москей, Москов*, что говорит об отношении древних марийцев и мордвы к дуальным фратриям [19, с. 272]. В легендах отражается архаическая идея содействия зверя плодородию, позже превратившая его в покровителя семейно-брачных отношений, поэтому мифологический образ животного связывался с *мужским началом* [18, с. 158-159]. Согласно последним исследованиям, в марийских песнях медведь выступает как символ врага, хищника, опасности, а медведица с медвежонком – матери и ее потомства [5, с. 91-93]. В марийской мифологии *маска* ‘медведь’ является покровителем, хозяином леса. Среди марийцев бытовало табузированное название медведя *чодыра оза* ‘хозяин леса’. Кроме этого, использовалось и другое слово-табу – *мёмё*. Высказывается предположение о том, что в древности слово *мёмё* обозначало медведя, а из-за наложения табу оно было заменено на слово-эвфемизм *маска* [10, с. 63]. Со временем *мёмё* претерпело изменение в своем значении. В современном марийском языке оно указывает на ‘страшилище; нечто страшное’ [17, с. 85]. Исследователи не исключают возможности существования лексемы *маска* в поволжских языках, что сохранилось в марийских топонимах на *-мас, -маш*, жгонском языке (жаргон русских ремесленников Костромской области), на образовании которого сильное влияние оказал марийский язык (*мас* ‘мужчина’), поэтому первоначальное значение деривата *маска* означало ‘маленький человек, мужчина’ [10, с. 61-66]. Зооним *маска* часто используется в речи в переносном значении, выступая в качестве зооморфной характеристики человека: ‘сильный, грузный человек’ [17, с. 26]. Особый интерес в исследовании культурно-значимых представлений марийской лингвокультуры составляет контекстуальное использование зоонима в качестве отдельной лексемы или в составе различных словесных оборотов, в том числе и во фразеологических единицах (ФЕ).

Рассмотрим функционирование зоонима *маска* в контексте при характеристике отличительных черт проявления человека в рамках объединения примеров в составе идеографических групп: I. Физиологическое состояние организма: 1) особенность передвижения в неудобном месте, тяжелая походка: *Мый чодыраште илен ом йыгыжге... Туге гынат, южсунам каньылынак ок чуч. Ватемат южо кече годым чылт маска гай коштеш* ‘Мне не надоело жить в лесу... Тем не менее иногда неудобно. Вот и моя жена иногда ходит, как медведь’ [20, с. 34]; 2) неосознаваемая человеком нерасторопность, тяжесть в движениях, приносящая определенные неудобства окружающим: *Маска гай пурен шинче да, ынде нимоат огеши кой, вате-влак тудым шенгек кусарынеш* ‘Уселся, как медведь, и теперь ничего не видно, женщины хотят пересадить его назад’ [16, с. 20]; 3) высокая работоспособность, умение справляться с физически тяжелой работой: *Паиаш лунчыргышо имне гай лопка лулеган, тӱпката кап-кылан, чоштыра кудыр ӱпан, вийым поген шуктышо патыр рвезе шке лӱмжым каласыш. – А то маскала пашам ышташ толашет* ‘Окрепший, сильный парень с широкими, как у зачашей на работе лошади, костями, крепким телосложением, жесткими кудрявыми волосами назвал свое имя. – А то стараешься работать, как медведь’ [Там же, с. 49]; 4) крепкое телосложение: *Нунын коклаште тугак ныл лесник, воктенышт кугу пий, чодыра маска гай могыран шем пондашан, шучко йӱкан объездчик Гурий Абашев лийын* ‘Среди них были также четыре лесника, рядом – большая собака, объездчик Гурий Абашев – с фигурой, как у лесного медведя, чернобородый, со зловещим голосом’ [21, с. 224]. II. Черты характера. Выражение агрессивности, злости по отношению к другим: – *Чакналте, пехота – Балтийский флот причальште! – шыдын каласыш Костя... «Мо тиде маскалан кӱлеш лийын?» – лӱдын шоналтыш Качырий* ‘– Отступи, пехота – Балтийский флот на причале! – сердито сказал Костя... , Что пондобилось этому медведю? – испуганно подумала Качырий’ [9, с. 44]. Данные примеры отражают знания представителей марийского этноса о внешнем облике, поведении и условиях жизни медведя в природе.

Следует уделить отдельное внимание зоосемическим ФЕ с зоонимом *маска* ‘медведь’. Фразеологизмы наиболее ярко отображают тотемическую культуру марийского народа, которая сохранилась во внутренней форме

устойчивых единиц исследуемого типа. Например, оценка судьбы незамужней девушки выявляется в коннотации коммуникативной ФЕ *Жап шуэши гын, ўдыр чодыра маскаланат марлан кая* 'Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет', которая характеризует временные периоды жизни женщины: *Проска: Шоналте, эргым. Пельшыр ўдыр мейман ешлык огыл. Тудо кугун тунемше... Осяндр: ...«Жап шуэши гын, ўдыр маскаланат марлан кая», маныт.* 'Проска: Подумай, сынок. Девушка-фельдшер не для нашей семьи. Она хорошо образованная... Осяндр: ...Говорят: . Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет!' [3, с. 74]. Некоторые ФЕ применяются для характеристики природных явлений, к числу которых относится единица *Маска ўдырым налеш* 'Медведь женится' (о мелком дожде в солнечный день): *Кўинё кече шыргыжеи, кодишо пыл гыч йўр лыжса Маска ўдырым налеш* 'Высоко светит солнце, дождик капает с остатков туч. Медведь женится' [7, с. 142].

Значение следующего фразеологизма *маскам куштаи туныктаи* 'научить медведя танцевать' осложнено контекстуальным окружением: *А молан мыйын «маскамат» куштаи туныктаи огыл? ...Вет Япи тахшым маска дечат чапле маска* 'А почему бы не научить танцевать и моего 'медведя'? ...Ведь Япи, вообще-то, (букв.) медведь лучше самого медведя' [2, с. 230]. Мотивационным стимулом ФЕ является ситуация, связанная с жизнью цыган и скородохов, демонстрировавших танцующего медведя во время своих представлений. В анализируемом примере на образное основание фразеологизма накладывается культурно-обусловленное представление марийцев о медведе, поэтому лексема выступает в качестве мифологемы, указывающей на маскулинный признак [18, с. 158-159]. В более широком контексте романа героиня описывает мужчину с точки зрения его семейного положения, обращая отдельное внимание на его сексуальные способности.

Проанализированные языковые единицы указывают на то, что результаты наблюдений за животным отражаются в специфике оценки психофизиологического состояния человека посредством переложения свойств медведя на особенности поведения людей. Часто выявление специфических признаков мотивации значения языковых единиц культурно-обусловленными знаниями этноса представляется достаточно сложным, т.к. это требует дополнительных исследований и рассмотрения широкого контекста. Тем не менее, изученный материал доказывает, что специфика применения названия данного животного в речи и в зафиксированном письменно контексте указывает на преобладание таких случаев, когда предпочтение в описании человека отдается мужчине как носителю маскулинных характеристик.

Список литературы

1. Аккорин В. А. Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 13-27.
2. Александров-Арсак А. Юмын капка ончылно. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 2008. 512 с.
3. Волков А. Каче-влак: мыскара, повесть. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1968. 212 с.
4. Воронцова О. О., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.
5. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья: монография. М.: Спецкнига, 2012. 364 с.
6. Глухова Н. Н. Этнические ценности в марийских антропонимах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22). Ч. I. С. 43-47.
7. Грачева Ф. Т. Марий фразеологий мутер: тунемше-влаклан пособий. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1989. 328 с.
8. Джурсева М. Ю. Следы мифологических представлений и табу в узбекских народных загадках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 46-49.
9. Каткова З. Кушто улат, пиалем? Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1965. 364 с.
10. Кузнецова М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010. 316 с.
11. Кучукова Д. А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 21-26.
12. Малзурова Л. Ц. Бурятские легенды о тотемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). Ч. II. С. 133-135.
13. Михайлова М. С. Приемы табуизации именованний лица в мультикультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. II. С. 135-139.
14. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. 465 с.
15. Сабитов С. С. Образ медведя в марийских и удмуртских сказках // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. Вып. 2. С. 44-51.
16. Сапаев В. Кўдырчан йўр годым. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1979. 350 с.
17. Современный марийский язык / А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. Н. Васильев и др.; гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998. Т. IV: М – Ё. 384 с.
18. Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология: этнографический справочник. Йошкар-Ола: Марийский полиграфически-издательский комбинат, 2007. 312 с.
19. Черных Д. Я. Словарь марийских личных имен. Марий ег л' м-влак. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.
20. Шкетан М. Чумырен лукмо ойпого / С. Черных ямдылен, тудынак ончылмут ден комментарийже. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1991. II том: ойлымаш, мыскара, новелла, очерк, статья, корреспонденций, фельетон-влак. 608 с.
21. Элексейн Я. Тоймак тукым: повесть-влак. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1987. 304 с.
22. Aho J. Hellmannin herra; Esimerkin vuoksi; Maailman murjoma [Электронный ресурс]. URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hellmannin-herra-esimerkin-vuoksi-maailman-murjoma> (дата обращения: 25.10.2013).
23. Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс] / Moseley Ch. (ed.). 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 26.01.2015).

**VERBALIZATION OF NATIONAL AND CULTURAL IDEAS
ABOUT THE CULT OF BEAR IN THE MARI LANGUAGE**

Sokolova Marina Valer'evna
Mari State University
marinuk.sokolova@yandex.ru

The article is devoted to the brief analysis of the verbalization peculiarities of the zoonym “маска” (bear) in the Mari linguo-culture. Special attention is paid to the etymology, the nature of lexical-semantic and contextual realization of the name of this animal. By the lexical and phraseological material of the Mari language the author groups the examples of the use of this zoonym in speech and texts of fiction and this is carried out on the basis of the semantic analysis of nomination of the phenomena of the reality.

Key words and phrases: totem; taboo; cult; myth; lexeme; phraseology; context.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается один из эпизодов романа «Прокляты и убиты» – показательный суд над солдатом Зеленцовым. Исследователь обращает внимание, что данный эпизод театрален, то есть всё действие построено по законам сценического искусства и представляет собой фарсовое зрелище. При анализе выделяются основные черты жанра фарса, берущего свое начало в карнавальной культуре, и их функционирование в эпизоде суда.

Ключевые слова и фразы: жанр фарса; герои фарса; сатирические приемы; , выпад из системы»; , театральность».

Соломенцева Клэна Викторовна

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
kliona86@mail.ru

**ЖАНР ФАРСА В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЦЕНЫ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДА НАД СОЛДАТОМ ЗЕЛЕНЦОВЫМ)©**

Понятие жанра в литературе, пожалуй, одно из самых сложных. Сложность заключается в том, что жанр – это не статичная категория, а подвижная, она постоянно меняется; на смену одним жанрам приходят другие [4, с. 318].

Исследователи часто отмечают внутри уже сложившегося жанра элементы , чужогой, не свойственные ему изначально. В таких ситуациях происходит как бы нарушение существующих законов жанра – , выпад из системы. Ю. Н. Тынянов это явление называет , смещением системы: , Вся революционная суть пушкинской “поэмы” “Руслан и Людмила”, – пишет он, – была в том, что это была “не-поэма” (то же и с “Кавказским пленником”); претендентом на место героической “поэмы” оказывалась легкая “сказка” XVIII века, однако за эту свою легкость не извиняющаяся критика почувствовала, что это какой-то выпад из системы. На самом деле это было *смещение* системы [5, с. 255].

В романе , Прокляты и убитый сцена показательного суда по развитию действия, по характеру участников, задействованных в нем, по своей театрализации напоминает фарсовое зрелище. В статье рассматривается, каким образом законы жанра фарса развиваются внутри одной из сцен романа.

Фарс – жанр драматургии и театральных спектаклей, характеризующийся легкостью и непритязательностью сюжета, буффонным юмором, однозначностью характеров, внешними комическими приемами [6]. Фарс по природе своей имеет две грани: комическое начало (буффонный юмор) и сатирическое. Это сочетание связано с особенностью истории возникновения жанра фарса.

Сценки фарса, взятые из бытовой жизни людей, как правило, разыгрывались бродячими артистами на площади, где была оформлена сцена из подручных средств, а театрализованное действие не требовало от актеров долгих репетиций. В романе , Прокляты и убитый автор-повествователь искусно создает атмосферу театральной постановки задолго до самого действия. Так, повсюду, на всей территории чертовой ямы, были расклеены объявления о том, что 20 декабря 1942 года состоится показательный суд. Указание точной даты придает достоверность намеченным событиям, а форма распространения информации (объявления) напоминает афишные плакаты, которые оповещают зрителей о начале спектакля: , На рекламных щитах клуба, на казармах и даже на заборах появились объявления [1, с. 137]. Ирония появляется из-за сочетания рекламы, выполняющей функцию театральной афиши, с информацией, которую можно встретить на заборах.

, Театральность продолжена и в оформлении клуба, и в оформлении сцены показательного суда. Всё было выдержано в строгой торжественности, чтобы придать событию государственную важность: , клуб украшен лозунгами, выписками из военного устава по дверям и по стенкам, плакатами типа “Родина-мать